Юрген Лаос

Автор:
Вячеслав Еропов

Юрген Лаос

Вячеслав Еропов

После смерти Юрген Лаос попадает в мир мертвых, где все люди связаны таинственной силой: боль одного человека отражается на всех остальных, эмоции передаются цепным механизмом. За Юргеном охотятся таинственные люди. На протяжении всего романа он пытается выяснить причину преследования, пока не узнает, что в его медальоне скрыт источник той самой таинственной силы, соединяющий мир живых и мертвых.

Вячеслав Еропов

Юрген Лаос

Глава I

Добро пожаловать в Альту. В этом месте повышенной влажности люди вдыхают вместе с воздухом воду, а их кожа постепенно набухает, становясь похожей на старую замшу. Побывав здесь, у вас не останется сомнений, что ад действительно существует.

Густ Лаос снял сапог и ударил им по стене конюшни, вытряхнув грязь. В последнее время добираться до дома становилось все труднее. Ему выкручивало пальцы на ногах так, что приходилось время от времени останавливаться.

Сейчас он устало смотрел на серое небо, дрожащей рукой отводя со лба мокрые волосы. Это был мужчина тридцати девяти лет, приличного роста и крепкого телосложения. Но сейчас, в это простуженное лето, крупные мышцы не давали особых преимуществ. В грязи невозможно было двигаться. Густ втиснул ногу в старый сапог и, перекинув через левое плечо мешок с бутылями пресной воды, медленно поковылял к дому: небольшому двухэтажному зданию, которое Густ простроил из лиственницы пятнадцать лет назад.

На первом этаже уже горел тусклый свет. Густ принюхался. Пахло теплой сухой древесиной, значит жена уже затопила печь. Он открыл калитку и вошел в ограду, оглядывая привычную обстановку. Крыльцо совсем покосилось. Желательно начать ремонт хотя бы этой осенью. Густ знал свои обязанности, но жизнь в этих краях никого не выпускала из замкнутого круга. Войдя, он опрокинул тяжелый мешок напротив двери.

– Лора! – крикнул Густ, – быстрее беги сюда.

Жена поспешно спустилась со второго этажа и, тревожно взглянув в его сторону, достала из старого шкафа широкую белую рубаху. Немного сутулясь, она держала её своими тонкими пальчиками. Казалось, ей это стоило больших усилий – держать такую легкую вещь. Волосы у неё были мягкие и короткие. Их длины хватало только, чтобы закрыть шею.

– Тащи мешки в кладовую, – приказал Густ, выхватив у жены рубаху.

Лора кивнула. Она аккуратно вытащила несколько бутылей с водой и поспешила в сени. Ей пришлось проделать это несколько раз, прежде чем опустели все мешки. Вскоре Лора вернулась, пряча за спиной небольшую бутыль. Она уже направлялась на второй этаж, как внезапно Густ схватил её за руку.

– Нам нужно поговорить.

Женщина сделала резкое движение головой, отвернувшись. Она прикусила нижнюю губу, пытаясь унять дрожь. Её трясло от усталости.

– Я целый день на ногах, Густ. Позволь мне пройти к нашему сыну, – она пыталась говорить уверенно и твёрдо. Густ заметил это усилие. Он сел на старую табуретку, поспешно согнав с лица ухмылку.

– Я хочу еще раз все обсудить. – Взгляд Густа смягчился, он опустил глаза.

Жена молчала, поглядывая на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Объясни, почему ты вечно убегаешь? Ты все время с ним, постоянно у него под боком. И даже сейчас, когда я только пришел домой после тяжелого дня, ты спешишь к нему, – Густ махнул рукой вверх, пытаясь подыскать слово, – к этому…щенку, который даже с кровати сползти не может.

– Не надо, – Лора с усилием подняла голову, пытаясь смахнуть волосы, прилипшие к влажным от слёз щекам. Она продолжила надломленным голосом: – Не подумай, будто я тебя в чем-то обвиняю, Густ. Но у меня такое чувство… такое съедающее противное чувство, будто ты нарочно изображаешь умирающего, чтобы настроить Юргена против меня.

Густ поднял густые брови, выпрями грудь.

– Я почти полжизни потерял по дороге. И для чего? Чтобы половину того, что принес, отдать ему? – Густ попытался выхватить бутыль из рук жены. Сейчас её тонкие пальчики не казались слабыми. Она вцепилась в бутыль и не отпускала, даже когда Густ дернул её своими ручищами.

– Будь проклято это место! – гневно продолжил Густ. – Вода льется с небес, а я иду за ней к самому дьяволу. – Он отпустил руку и, швырнув мокрую одежду возле печи, завалился на кровать.

– Прости нас, Густ, – прошептала Лора, слегка склонив голову, чтобы не смотреть в глаза мужу. Она еще несколько раз шепотом произнесла «прости» и поспешно стала подниматься на второй этаж.

На втором этаже стояло несколько старых стеллажей, треснувший стол и лежал десяток деревянных брусков, подготовленных для ремонта. В левом углу располагалась кровать Юргена Лаоса, подпертая с двух сторон бочками. От бочек несло той особенной затхлостью и пылью, которая могла быть только летом. В них складывали зимнюю одежду. Точнее, её прессовали вместе с остальным тряпьём, которым порой случалось затыкать щели между бревнами: из этих щелей веяло страшным холодом. Иными словами, бочки трогали только в

зимнее время, из-за чего в комнате постоянно присутствовал влажный запах. Юрген не замечал его, потому что редко покидал комнату. Он мог выйти раза три за неделю и вернувшись не испытывал отвращения. Для него это было тем же, что надеть старую заношенную рубашку, запаха которой давно не замечаешь.

– Юрген, – позвала Лора, – я уже здесь, мальчик мой. Уже здесь.

Юрген, трясясь всем телом, лежал на кровати. Его лицо было повернуто к стенке. Казалось, он что-то тихо бормотал, похожее на «не нужно». Лора присела на край кровати.

– Попей водички, и легче станет. Слышишь, Юрген?

Она легонько тронула его за плечо. Юрген помотал головой, поворачиваясь красным лицом к матери. С его щек скатилось несколько капель пота, и он полушепотом произнес: «Я в аду, матушка».

– В аду? – переспросила Лора удивленно. – Это тебе Густ сказал? Не стоит его слушать, Юрген, не стоит.

– Почему же? Он и так мне редко что-то говорит. – Юрген слегка усмехнулся, перевел взгляд на бутыль воды и сморщился. – Мне это не поможет. Меня трясет, п-понимаете? И мне страшно. Очень-очень страшно.

Лора сжала губы и, глубоко вдохнув, строгим голосом приказала: «Пей быстро». Юрген смиренно открыл бутыль.

– Шестнадцать лет, – серьезно произнесла она, – ты борешься с этим шестнадцать лет, и до сих пор жив. Другой бы не вынес этого, Юрген. Значит, Река не заберет тебя раньше срока. Пока ты не выполнишь то, что должен. – Она тронула медальон на его нежной шее.

Юрген опустошил бутыль и грустно посмотрел в сторону матери. В его голове навязчиво крутилась одна мысль: «Она снова плакала». Мальчик перевел взгляд на медальон и начал теребить серебряную цепочку, разглядывая необычные символы, напоминающие переплетённых змей. Юрген поднял глаза на мать.

– Никогда не понимал, зачем вы заставляете носить его.

Юрген сжал кулак, стараясь унять дрожь, и сквозь зубы добавил:

– Разве медальон мне помогает с этим бороться? Разве он?

Лора молчала. Она смотрела на Юргена: мальчик был совсем красным, как ревун. Она уже видела людей, болевших чем-то подобным. Все они умирали через два-три дня. Сначала по телу рассыпались красные точки, затем кожа приобретала зеленоватый оттенок. Но Юрген был жив. У него не было никаких красных точек, разве что издалека он выглядел как одна большая красная точка. И запах от него шел вполне приемлемый.

Юрген подал голос, напоминая матери, что она всё еще здесь, и что он ждет от нее ответов:

– Я знаю, отец не хочет, чтобы вы рассказывали мне о традициях Альты. Не волнуйтесь, все останется в тайне. Я ему ничего не скажу.

Лора встрепенулась. Ей показалось, что голос прозвучал откуда-то издалека. Она продолжала смотреть на Юргена еще несколько секунд, проговаривая про себя бодрящие «сейчас-сейчас, да-да». Затем наконец начала рассказ.

– Согласно легенде, еще во времена становления нашего народа, из реки, что ведет в священный лес, вышел человек. И река эта повторяла каждое его движение: один только взмах руки поднимал волны до небес. Жители посчитали этого человека настоящим Божеством. И у Божества был небольшой медальон на шее, совсем как у тебя.

– И что же медальон давал этому человеку?

Лора на секунду остановилась, подбирая слова.

– Дорогу в место, где нет ни боли, ни голода, ни страха. Там, где вечно сияет свет и нет ни туч, ни грязи под ногами. Жители верили, что именно медальон связывал Божество и священный лес, позволяя входить в него и выходить за его пределы. Другим вход туда был закрыт. Ведь кто бы в лес ни ступал – не

возвращался. Никогда… – Лора покачала головой, вспоминая, как десять лет назад двоих детей семьи Ланго унесло течением Реки прямиком в священный лес. Больше люди не решались подступать к лесу.

– Почему тогда в деревне никто не носит медальоны, кроме меня?

Лора улыбнулась.

– Никому не позволено. Видишь ли, Юрген, медальон появился у тебя с самого рождения. Мы с Густом поверить не могли своим глазам, когда заметили блестящую цепочку в руках у новорожденного…

Юрген ошеломленно взглянул на мать. Разве такое возможно, чтобы кто-то рождался с предметами? Но сказать в ответ Лоре он ничего не смел, потому как это могло остановить ее рассказ. Густ и так запугал всех в последнее время.

– Я помню, как отец хвастался, что переплыл священную реку.

– Густ был всего лишь на границе леса, – мягко ответила Лора. – Он не входил туда, и не смог бы войти.

Юрген пожал плечами.

– Из-за того, что у него нет медальона?

– Потому что он живой. Только мертвые блуждают в лесу. А медальон нужен для того, чтобы священный лес принял тебя, чтобы нашел среди остальных огоньков, мерцающих в ночи.

– Огоньков? – Юрген с сомнением посмотрел на мать.

– Да, – подтвердила Лора, – все мы всего лишь маленькие тлеющие огоньки, ждущие своего часа.

– Отец говорил, что не верит в сверхъестественные силы. И не хочет после смерти отправляться по течению Реки в священный лес.

– Я знаю. Его закопают в землю, как он сам и просил, согласно его обычаям, – грустно вздохнула Лора.

– В землю? То есть, в эту грязь, – уронил Юрген. Он встал с кровати и медленно поковылял к окну, стараясь держаться ближе к стене.

Снаружи бушевала стихия, двадцать лет назад смывшая с лица земли четверть Альты. В тот день земля захлебнулись водой, южная часть поселка исчезла. Со слов Лоры, тела погибших унесло в священный лес вместе с обломками их домов.

Это была издевка над самим существованием, когда ты, вооруженный дарами создателя, погибаешь от его же рук. Когда внутрь тебя вливается черная желчь – и крепкие ноги становятся непослушными, а тело немеет перед несокрушимой силой. Эту силу ни прогнать, ни укротить, ни растоптать. Она унесет тебя течением Реки в священный лес. Но есть и другие силы, куда более страшные. Они сковывают тело, загоняют в угол, не оставляя малейшего шанса на борьбу.

Юрген сжал кулак, впиваясь ногтями в ладонь. Сейчас ему больше всего хотелось выйти наружу, выползти, вывалиться. В этом противном месте невозможно было жить. Он посмотрел на улицу, с трудом определяя, где ее начало и конец. И вдруг его осенило: он действительно не знал, где начало его собственной улицы. Он быстро повернулся к матери и твердым голосом заявил:

– Завтра я выйду помогать отцу. Будьте добры, подготовьте мне теплую одежду.

– Нет! – вскрикнула Лора. – Мне хватило прошлого раза, Юрген! – В глазах у неё мелькнула искра. – Помнишь, что произошло? Ты завалился на крыльце с онемевшими ногами. У меня тогда сердце чуть не остановилась.

Юрген подошел к матери и, оглянувшись вокруг, тихо спросил:

– Чего вы на самом деле боитесь? Что ваш сын загнется на лестнице или что он сгниет здесь, как кусок бревна?

Лора застыла на месте. Казалось, перед ней стоял разъяренный Густ. Она замахнулась своей тоненькой рукой на Юргена. Легкий удар пришелся на левую

щеку, отчего та стала еще краснее. Опомнившись, он горько усмехнулся и спокойно произнес:

– Шестнадцать лет. А я все живой, так ведь? – Юрген рассмеялся, осознав нечто новое в себе – в собственных интонациях, в ощущениях. Этим новым была ирония. Она его осенила! Юрген крепко обнял матушку и шепотом произнес ей на ухо: «Река не заберет меня раньше срока». Затем взял её руку, дотронулся ею до своего медальона и попросил оставить его одного.

После ухода Лоры он тяжело зевнул, рассматривая собственные ладони. На них всё ещё виднелась засохшая известь после побелки кладовой. И только сейчас, спустя несколько часов отдыха, когда боль в суставах стала менее мучительной, он почувствовал, как сильно у него зудят ладони. Это были ощущения, известные с раннего детства. Побелка древесины в семье Лаосов стала привычным сезонным занятием: она защищала от грибка стены. Всему виной сырость. Покупать новые материалы приходилось каждый год, но на всё не хватало ни времени, ни денег, ни мужских рук. Юрген помогал семье, выполняя легкие поручения. Лора считала, что его способностей хватало только на мелочи. Во дворе редко раздавался треск сухой древесины. Юрген был не в состоянии поднять топор. Стоило ему замахнуться, как неведомая сила прижимала его к земле. И вот он уже валяется в грязи, схватившись за трясущуюся руку.

Густ целыми днями трудился в кузнице, стараясь заработать как можно больше денег. Обычно было достаточно заказов, чтобы прокормить семью, но в последнее время ему всё больше нездоровилось. Заказов становилось все меньше. Приходилось бросать кузницу и пахать вместе с Лорой, возделывая землю для посева.

Лора давно заметила, с какой ненавистью Густ смотрит на их собственную землю. Она полагала, что в скором времени муж покинет семью, оставив её с больным мальчишкой на руках. Но она не решалась заговаривать об этом, полагая, что любое проявление любопытства к делам мужа делает женщину особенно уязвимой. Кроме всего прочего, отношение жителей Альты к семье Лаосов ухудшалось с каждым годом. По разным причинам – начиная с того, что Альта не была родиной Густа, и, следовательно, он считался лишённым веры в священную Реку, и заканчивая тем, что Юрген не ходил к священной Реке добывать воду, как всякий уважающий себя муж.

С возрастом Юрген начал в полной мере осознавать, что все проблемы в семье вертятся вокруг его беспомощности и несамостоятельности. Вечерами он часто смотрел сквозь небольшую щелку в двери, ведущую на первый этаж, наблюдая за тем, что происходит с родителями. На его удивление, в последние несколько месяцев ничего не происходило. Между родителями была огромная пропасть.

Юрген притронулся к запотевшему окну и тут же отдернул руку. Он почувствовал холод, напоминающий ему бессонные ночи, когда он лежал на мокрой от пота кровати, пытаясь дотянуться до окна. Добраться, потянуть за щеколду, соскочить вниз и закончить все свои мучения. Удивительно, до чего может довести человека боль, которую никуда не спрячешь и никому не отдашь.

Юрген осторожно прислонил лицо к холодному стеклу. Прохлада растеклась по горячим щекам. Он посмотрел вниз. Листья лапины пытались дотянуться до окна: их то и дело подбрасывал вверх бушующий ветер, и как только они дотрагивались кончиками до рамы, тут же кидал их обратно вниз. Юрген вздохнул, пытаясь принять тягостную правду о своей судьбе. Завтра он будет работать на улице и станет ничем не лучше лапины, трясущейся на ветру, пытающейся удержать свои хлипкие листики, чтобы их не унесло вместе с грязью вниз, туда где глубоко и темно.

Внезапно с первого этажа прозвучало:

– Ужинать!

Юрген поспешно задул свечу и направился вниз, тяжело передвигая свои деревянные ноги. С лестницы сыпалась белая известка. Она падала на голову Лоры, которая стояла возле печи, доставая из чугунной духовки свежие пирожки. Даже на втором этаже был слышен удивительный аромат, к которому примешивался запах чуть подгоревшего масла. «Только не это, – подумал Юрген, – неужели корочка опять подгорела. У Лоры в последнее время совсем всё из рук валится».

Запахи разносились очень быстро, они плыли вместе с теплым воздухом, просачиваясь через небольшие щелки и дырочки в потолке, которые Густ обещал замазать ещё до начала осени. От теплой сырости лиственница расширялась, выталкивая соседние доски.

Густ сидел во главе стола, сколоченного ещё в те времена, когда он жил с Лорой в доме её родителей в Южной части Альты. В те времена погибло много людей, среди них родители Лоры – они отказалась покидать дом во время потопа. Юрген не понимал этого странного поступка, но никогда не говорил об этом вслух и никогда не осуждал – считал, что это могло оскорбить чувства Лоры.

– Юрген, садись за стол, – строго сказала Лора и отвернулась к печи. Сегодня она хотела быть увереннее в глазах мужа.

Юрген послушно кивнул, вышел в сени и опустил руки в деревянное ведро, наполненное дождевой водой, которую приходилось довольно часто менять, чтобы она не застоялась и не начала дурно пахнуть. Сполоснув руки, он вернулся в комнату и тяжело приподнял ногу, чтобы опуститься на деревянную подставку, а затем, опираясь на неё, сесть на стул. Ему это стоило больших усилий, ноги тряслись от напряжения. Густ одним глазом заметил его неуклюжую попытку и тут же отвернулся. У них были сложные отношения. Густ не любил Юргена. И дело было даже не в его смешной беспомощности, которая доставляла много хлопот. «Беспомощность в Альте, – все время твердил Густ, – это все равно что быть безоружным во время кровопролитного сражения». Скорее он не принимал существование Юргена как отдельного человека. Сам факт того, что он вынужден жить в Богом забытом месте, выводила его из себя. Он не должен был оставлять после себя потомство, оставлять частицу себя, которая будет здесь же страдать и спустя время проклинать его за трусость в «Суульской земле». Иногда внутри Густа скапливалась невероятная злость и ненависть к Альте. Такая беспощадная, что, казалось, он мог задохнуться. Юргена это пугало, и он старался не появляться на первом этаже, опасаясь, что в один день Густ просто-напросто забьёт его тем, что окажется под рукой.

Юрген осторожно сел за стол, с любопытством рассматривая приготовленную Лорой еду. На столе его ждали горячие пирожки, несколько листов капусты и стрелки зеленого лука. Юрген брезгливо фыркнул при виде лука, переводя взгляд на деревянные кружки, наполненные свежей водой. У него тут же зачесалось в горле – страшно хотелось пить. Густ принес эту воду всего несколько часов назад из священной Реки. Что-то в этой воде было необычное, исцеляющее, что помогало Юргену на короткое время унять боль и почувствовать себя свободным. Однако исцеляющий эффект длился всего на несколько минут, после чего Юрген возвращался в свое естественное состояние.

Пресная вода занимала особое место в жизни Альты. Её невозможно было купить за деньги или, к примеру, позаимствовать у добродушных соседей. Единственный источник пресной воды – священная Река в двух километрах от посёлка. Считалось, что только достойный муж, способный стать настоящим солнцем своей семьи, мог дойти до священной Реки и унести с собой её щедрые дары. Солнцем семьи Лаосов считался Густ, хотя по обычаям Альты он не имел на это никакого права, ибо был родом из чужих земель. Однако в последнее время на многое стали закрывать глаза, люди сильно изменились. Большинство из них так и не оправились после страшного потопа. Густ умело пользовался этим, предлагая свои услуги. Он был кузнецом, брал в неделю по несколько дополнительных заказов, помогая восстанавливать Южную часть поселка.

– Совсем скоро похолодает, – напомнил Густ, по его руке рассыпались колючие мурашки. – Нужно подготовить те колоды, которые мы оставили в дровянике прошлой весной.

– Завтра? – у Юргена загорелись глаза, он оглянулся по сторонам.

Лора тут же бросила заниматься духовым шкафом, опустила последние пирожки в посудину и, спустя несколько секунд, приготовилась сесть к столу, пододвигая к себе крепкий табурет. Никто до этого момента не притрагивался к еде, все ждали Лору. Густ Лаос недоуменно посмотрел в сторону Юргена.

– Завтра, послезавтра, – пожал плечами Густ, – какая для тебя разница? Те неподатливые бревна ещё нужно расколоть, чтобы они влезли в печь. – Он перевел взгляд на Лору. – Займусь этим на следующей неделе.

Лора одобрительно кивнула.

– Я хочу завтра выйти работать вместе с вами, – заявил Юрген.

Густ выпрямился в кресле, пытаясь сдержать усмешку.

– И что же ты будешь делать?

– Что скажете. Могу помочь вам с кладовой или даже в кузнице.

– Тебе нечем мне помочь, у тебя ведь ничего нет, – холодно ответил Густ. Он был готов приняться за еду, чтобы прекратить этот разговор.

– Это неправда, – Юрген замялся. – Вы это знаете. У меня ведь есть руки, есть ноги. Я такой же человек, как и все остальные.

– Ерунда! Ты не знаешь, о чем говоришь, парень. Я бы лучше положился на лошадь, которая просто стоит в стойле. Я бы лучше положился на её ноги, чем на твои. И знаешь почему? Потому что мне точно известно, что она не подведёт, не упадет на землю и не начнет внезапно задыхаться.

Лора спокойно слушала, не вмешиваясь в монолог мужа. Вмешаться было непозволительно. Тем более, она чувствовала – Густ явно не в себе, это могло усугубить ситуацию.

– Но я хочу работать по-настоящему. Неужели вы мне даже не дадите попробовать?

Густ глубоко вздохнул, грустно посмотрел на Лору. В её черных зрачках отражалось их жалкое, бедное окружение: старый стол, потрескавшаяся печь, стеллажи с облупившейся краской. Возможно, они могли бы жить гораздо лучше, если бы появилась пара рабочих рук.

– Хорошо, – сдался Густ, – завтра утром пойдем в кузню, я познакомлю тебя со Свеном. Он любит помогать всяким недотёпам. Свято верит, что священная Река унесет его в священный лес за добрые дела. Одним словом, священный человек. – он неожиданно громко засмеялся. – Такими темпами и меня унесёт, глазом моргнуть не успеете.

Юрген широко улыбнулся. Густ, как глава семьи, принялся за еду первый, затем до горячих пирожков дотронулась Лора, и, наконец, Юрген. Мальчик залпом выпил желанную воду. В ту же секунду он почувствовал внутри ледяной толчок. Но вот болезненное ощущение слабеет, медленно тает, словно лед по весне, растекаясь по всем жилам. Это было удивительно приятное чувство, ненадолго погружающее в холодную безмятежность. Юрген торопливо съел свою порцию и попросил разрешения выйти из-за стола. Завтра его ждал трудный день, поэтому он решил лечь пораньше. Это было важно, уснуть в хорошем настроении, ведь ему ещё не один раз придется проснуться ночью от

нахлынувшей боли в костях и суставах.

Он не стал зажигать свечу, комнату на втором этаже затягивало приятной серостью: луна сегодня была полная. Юрген медленно закрыл глаза и погрузился в сон.

Глава II

В кладовой пахло сыростью и свежей капустой. Густ Лаос провел пальцем по старой стене, медленно соскребая белый налет. Это был первый признак плесени. Он наклонился, проверяя нижнее покрытие: на пораженном дереве резко высвечивались коричневые полосы. Густ глубоко вдохнул влажный воздух. «Как хорошо быть в помещении», – подумал он. Мир снаружи всегда кажется чуть холоднее и равнодушней. Стены все меняют, стены блокируют звуки, и это поистине волшебно. Сейчас где-то девять утра, и вокруг дома уже явно копошатся люди. Густ с детской улыбкой громко произнес: «Простаки». Ответа не последовало, и на его лице запорхало радостное оживление. Он качнул головой и убеждённо добавил: «Вы все дураки, просто дураки». И снова тишина. Никто не мог ему ответить. Удивительно, какое все-таки чудесное место. Даже эта материя, лишенная чувств, казалась ему привлекательней живых существ. Ею было проще управлять, проще подогнать под себя, и, что самое важное, она действительно была для этого создана. Создана дарить чувство комфорта. Из дерева можно было соорудить кровать, стеллаж или на худой конец скамейку. А что можно соорудить из другого человека? У Густа защемило в висках, когда он невольно вспомнил о Юргене. С таким же успехом он мог выстрогать деревянного мальчика и бросить пылиться на втором этаже.

Он достал записную книжку размером чуть больше ладони. Грубая белая бумага, немного пожелтевшая на нижних краях. Книжка досталась ему от продавца всякого хлама, когда он еще находился в «Сууле». Ведение дневника помогало ему осознать, что он делает на этой земле. Сложно было понять, испытывает ли он теплые чувства к семье. Разве способен мужчина испытывать теплые чувства? Способен ли мужчина любить именно так, как того требует женское сердце? Он не был в состоянии достаточно точно ответить на этот вопрос. Единственное, что он отлично знал – это чувство долга; именно оно определяло

его жизнь. Густ открыл книжку посередине и черным угольком вывел: «Должен закончить с кладовой, обработать известью; навести порядок в конюшне». Маленькие неуклюжие буковки рассыпались на пол-листа.

Внезапно открылась входная дверь. В кладовую шагнул Юрген. Он воодушевленно оглядел обстановку и решительно обратился к отцу:

– Доброе утро. Скажите, что нужно делать?

По лицу Густа пробежала легкая усмешка. Он смотрел на сына: что-то в нем было необычное, что-то такое отчаянное, предвещавшее беду.

– Как себя чувствуешь? – спросил Густ, хотя ему было все равно, как Юрген себя чувствовал.

– Достаточно живенько, – радостно ответил мальчик, никогда ещё отец не интересовался его состоянием. – Во всяком случае, гораздо лучше, чем вчера.

– Значит, ты действительно готов работать? – отец сделал движение двумя пальцами, подзывая Юргена, – подойди сюда. Скоро наступит осень, нужно будет поменять эти доски на новые, а затем обработать их.

Юрген осторожно прикоснулся к стене, ощущая на кончиках пальцев влажный холод. Ничего необычного. Высокий уровень влажности в неотапливаемом помещении, несколько трещин и стена начинает покрываться плесенью.

– Значит, действительно нужно будет заменить все стены? – удивленно спросил Юрген, – но ведь сосна, которая сейчас на втором этаже, никак не подойдет для кладовой.

– Верно, – кивнул Густ. – Это значит, что нужно будет закупать всё новое. Денег сейчас у нас немного, поэтому, Юрген, от тебя зависит практически всё. То, как ты будешь сегодня работать, многое определит.

Юрген помрачнел и произнес:

– Начнем сейчас?

– Разумеется, чем быстрее начнем, тем лучше, – подтвердил Густ. – Однако помогать ты мне будешь не здесь. Пойдем, покажу, где находится кузница.

Они покинули кладовую, пересекли небольшой двор и направились в сторону старой конюшни, соединенной с кузницей. Поутру улица расплывалась перед глазами. Выйти из дома в такое время – значило окунуться в прохладную воду. Воздух стоячий, тяжелый – казалось, вот-вот разойдётся по швам, и из него хлынет целое море, затопит все вокруг. Юрген поднял голову, в глаза тут же затекла знакомая серость. В Альте никогда не было настоящего солнца: оно походило на лужицу света, расплывшуюся по серому небосводу.

Они пришли. Влажные тени лип прятали небольшое здание, обшивка которого походила на поношенные деревянные доспехи. Это была конюшня. Юрген заметил, что внутри находился человек – небольшого роста, совсем тёмный, как обгоревший уголёк. Темный человек заметил Юргена, Густа и коснулся своей головы, несколько коричневых опилок посыпалось с волос.

Густ вышел вперед. Он указал на Юргена левой рукой, а затем приложил её к сердцу. Человек понимающе кивнул и произнёс:

– Река принимает его. Но принимает ли солнце?

– Солнце по-прежнему закрыто тучами, – ответил Густ. – Но сегодня оно выглянет, чтобы посмотреть на результат его трудов, – отец притянул к себе Юргена.

Некрупный мужчина сделал несколько шагов в сторону мальчика, но тут же остановился. Он уставился на его лицо, горевшее насыщенным красным цветом. Мужчине стало не по себе, он ощутил, что в Юргене таится опасность. Спустя несколько секунд мужчина смог перебороть наваждение и подошел к Юргену вплотную.

– Мое имя Свен, – представился он, подняв левую ладонь. Юрген, назвав свое имя, осторожно повторил движение.

– Твое место там, Юрген, – Густ указал пальцем на наковальню. – Свен покажет тебе, как следуют настоящему мужчине орудовать молотом. Заодно

посмотришь, как делают подковы для этих дьяволов.

Взгляд Юргена упал на огромного черного жеребца, стоявшего в стойле неподалеку от входа. Жеребец поднял мощную голову и посмотрел на Юргена. «Эта голова, – подумал мальчик, – она ведь ничем не отличается от железной наковальни». Животное потянулось вперед, вытянув задние ноги. Конь точно перелил всю силу в эти могучие конечности, способные одним ударом убить человека. У Юргену мурашки побежали по коже, он уставился на грудь животного. На коже был нарисован знакомый символ: три полоски, напоминающие извивающихся змей. Что-то будто кольнуло Юргена, он вздрогнул и попятился от стойла.

Густ похлопал Юргена по плечу.

– Прекрасно тебя понимаю. Порой мне и самому кажется, что это не травоядная тварь, а настоящий кошмар из преисподней.

– Ага, – Юрген машинально кивнул, поворачиваясь к отцу. – Это не ваш конь?

– К сожалению, нет. Я ведь не местный, а чужакам кони не полагаются, – произнес он тихо, оглянувшись назад.

– Это неправильно, – ответил Юрген, пристально глядя на Свена. Он пытался высмотреть в новом знакомом нечто особенное, что отличало бы его от отца. – С конем вы бы могли гораздо быстрее приносить воду из Реки, и тогда бы у вас не было проблем с ногами.

– Или ты бы мог помогать мне приносить воду. Но жизнь распорядилась по-другому. Меня тут не особо любят, нужно благодарить Бога, что дали работать в кузне. Каждый сверчок должен знать свой шесток, впитал? – отец указал рукой на наковальню. – Привыкай бить молотом. Пока что так, об остальном поговорим дома в полдень.

Густ покинул конюшню. Юрген еще несколько секунд смотрел ему вслед. Да, ему не показалось – Густ действительно хромал, хоть и старался скрыть это. Через несколько дней ему придется вновь отправиться за водой. Отец всегда скрывал то, что отличало его от остальных, даже если это касалось здоровья.

Юрген крутил все эти мысли в голове, пока к нему снова не подошел Свен. Он похлопал мальчика по плечу.

– Мы делаем подковы со специальными длинными шипами, чтобы лошади не падали на скользкой траве, – быстро произнес он. – Шипы прикручиваются к самой подкове, когда лошадь выходит из стойла.

Свен взял стальной крючок и направился к молодой лошади. Он осторожно дотронулся до копыта.

– Кузнец снимает клещами подкову где-то раз в месяц, а точнее вырывает её вместе с гвоздями. Очищает подошву от опилок и прочей шелухи. Мы, конечно, заменяем старые слои подошвы на новые, но не у всех.

– У кого нет? – спросил Юрген.

– У кого нет денег, – рассмеялся Свен. Он подошел к треснувшей перекладине, снял с неё небольшой фартук и отдал Юргену. От фартука несло сырой кожей, водой и чем-то кислым. Но все же, несмотря на странный запах, чем-то от него веяло теплым. Тем, что не почувствуешь носом. Тем же самым веяло от Густа, когда он возвращался домой поздно вечером. Юрген без колебаний надел фартук, проверил боковые карманы: с обеих сторон были вкладыши для ножей. Он радостно улыбнулся и медленно поковылял к наковальне.

– Здесь твоя жизнь стоит ровно столько, сколько стоит твоя работа, – сказал Свен. – Смотри, что происходит с куском железа, когда он встречает крепкую руку.

Свен достал из очага клещами раскаленный бесформенный кусок стали. Поднял молот величиной с голову Юргена и ударил. Раз. Два. Раз. Два. Ни одного лишнего движения, ни одного промаха.

– Давно вы с отцом работаете здесь? – спросил Юрген. – И отец умеет все то же, что и вы?

– Давненько, – Свен улыбнулся. – Твой отец совершенно другой человек. Он умеет работать тонко. Где-то два месяца назад его попросили, например,

сделать новые ключи для хранилища воды. Очень быстро сделал и качественно, мне бы пришлось повозиться намного дольше.

Юрген замялся и, немного помедлив, все же решил задать вопрос, который мучил его с самого раннего детства.

– Послушайте, Свен. Вы ведь получаете деньги за работу, так? Почему же на них нельзя купить воду?

Ральф странно покосился на юношу. «Неужели Лора ему ничего не рассказала?»

– Вода из самой Реки, Юрген. Только достойные способны дойти до нее. Чтобы что-то купить, достоинство не нужно. Это определяет, достаточно ли у мужчины сил, чтобы стать солнцем для своей семьи, насколько хватит мужчины, чтобы своим родным освещать дорогу вперед.

Но в тот же момент Свен улыбнулся, его это воодушевляло: объяснять простые истины молодому поколению. Ох уж эти мальчишки. Семена, которые только-только начали созревать. Именно сейчас очень важно подготовить им нужную почву, задать правильный вектор для роста.

– Эх, когда-то и я был таким же, Юрген. Не совсем, конечно, – Свен указал пальцем на его красную кожу и рассмеялся, – такого у меня никогда не было. Но вопросы я задавал постоянно, стараясь понять, почему мир устроен именно так. Если хочешь знать, я до сих пор задаю себе вопросы. Только теперь не требую ответов от окружающих, а ищу их внутри себя.

– Как это? – удивленно спросил Юрген.

– Никак, – печально ответил Свен. – Очень трудно оставаться одиноким солнцем. Гореть, когда некому светить. Поэтому начинаешь радоваться даже маленькому случаю применить свои знания и опыт.

– Почему вы говорите, что вам некому светить?

Свен легко усмехнулся, стараясь скрыть за улыбкой нечто темное и печальное.

– Река забрала в священный лес всех, кто был мне дорог. Сейчас они уже отдыхают от нашей суеты. Может, скучают и всё никак не могут дождаться меня. А может и нет. Во всяком случае, я точно скучаю.

– Знаете, я вас очень понимаю, – выдавил из себя Юрген. – Порой сложно говорить о боли, которую никто не может разделить.

Свен тепло улыбнулся ему в ответ.

– Нужно подкинуть углей в очаг, а то ковка совсем не пойдет.

Он наклонился, чтобы достать лопатку для углей, и случайно задел медальон Юргена. Свен тут же остановился, забыв о том, что собирался делать. Он смотрел в упор на рисунок на медальоне.

– Откуда у тебя это, парень?

– Медальон? – переспросил Юрген, наклоняясь вниз. Ему стало неловко рассказывать о своем загадочной рождении, поэтому он выдал первое, что пришло в голову: – Я думал у всех такие.

– Не как у всех, парень. Эти символы, изображенные на твоем медальоне… Я их знаю, – Свен принялся теребить свои волосы, будто они мешали ему думать. – Эти символы, символы… вспомнил! На одном из древних больших камней, которые огибают священную Реку, высечены точно такие же. Помню, я очень долго их изучал. Полагаю, они как-то связаны с самой Рекой или со священным лесом. А может, и вовсе с Божеством, которое вышло из самой Реки.

– Честно признаться, я совершенно ничего не знаю ни о больших камнях, ни о Реке, ни о священном лесе, – Юрген замялся. – Отец считает, что я не способен дойти до Реки, и не отправляет меня к ней за припасами.

– Проклятый Густ, – пробубнил Свен. – Как может человек, который живёт в Альте, ничего не знать о священной Реке! Ну и кошмар. Это всё дурное воспитание от дурного человека. Вот что, – Свен наклонился к Юргену, – тебе обязательно нужно увидеть священную Реку, изучить древние камни. Там ведь вся история нашего народа!

– Видите ли, – начал неуверенно Юрген, – отец не зря оставляет меня дома и запрещает выходить к священной Реке. У меня не так много сил, как у остальных людей. Иногда я даже не могу продержаться на ногах весь день, и поэтому…

– Ерунда! – перебил его Свен. – Какая бы болезнь тебя ни мучила, ты обязан хотя бы знать историю нашего народа. Ты ведь даже не можешь разобрать символы, которые изображены на твоем медальоне. Совершенно другое дело, если ты не способен дойти до священной Реки. Многие могут сказать, что ты недостоин стать светилом для своей семьи, и они будут правы. Но это никак не касается твоей образованности! Если бы Густ хотел, он бы давно отвел тебя к древним камням. Или мог бы попросить меня на худой конец, неужели у меня бы коня не нашлось, чтобы тебя отвезти? Но нет, ведь он совершенно другой веры, он нас и за людей-то не считает! – взорвался Свен, яростно ударив кулаком по деревянной балке. – Но ничего, я с ним поговорю. Это же надо, так с собственным сыном…

– Не стоит так говорить об отце. На самом деле, ему очень нездоровится в последнее время. Ведь прошло уже столько лет, а он до сих пор ходит к Реке. Вы должны видеть, что ему нездоровится. Он хромает на левую ногу.

– Да, конечно, ходит он к Реке, – презрительно фыркнул Свен. – Эх, парень, не знаешь ты своего отца. Он неплохо здесь устроился благодаря своей хитрости. С твоим отцом я знаком еще с того времени, когда он только приехал в Альту. Если у него действительно есть какие-то теплые чувства к нашему краю, то они спрятаны глубоко. Так спрятаны, что он и сам не догадывается, где они.

Юрген опешил. Свен изменился, это было заметно. Сейчас перед ним стоял не старенький темный мужчина, ростом чуть выше Юргена, а настоящий человек-штык, готовый проткнуть тебя в любую секунду. Юрген посмотрел на Свена испуганно.

– Чего ты так смотришь, парень? – Свен опустил молот. – Я говорю тебе правду. Мы ведь с твоим отцом не первый день работаем вместе. И я понимаю, что Густ такой же человек, как и все.

– К чему вы ведёте? – Юрген непонимающе уставился на Свена.

– Да разуй же глаза, мальчишка. Твой отец не ходит к Реке уже несколько месяцев!

– Подождите… Но как же вода?

– Воду он берёт из хранилища Альты. Немного, ты ведь должен был заметить, насколько вам её хватает. Он кое-как может дойти до хранилища, какая уж там Река. Пока об этом знаем только я и твоя матушка Лора. Ну, теперь знаешь и ты.

Юрген отрицательно покачал головой.

– Но ведь отец…

– Да, твой отец хитрый, упорный. На слепой лошади не объедешь.

– Но почему, – Юрген остановился от нахлынувшего испуга, – почему вы никому ещё не сказали?

Свен усмехнулся.

– Ну, допустим, рассказал бы я. И что дальше? Густ единственная веточка, на которой я всё ещё способен усидеть. А сломаю эту ветку – и сразу упаду в чертову пропасть, где до меня никому не будет дела. Я ведь говорил, что всех моих близких давно унесло Рекой. Видишь ли, Юрген, я уже стар, слишком привязан ко всему знакомому. Поэтому и стараюсь крепче держаться за каждую веточку, за каждую связь.

– Да-а, – неуверенно протянул Юрген, – теперь понимаю.

– Да, и этим можно многое оправдать, – добавил Свен. – Но ведь совсем другое дело ты. Неужели Густ считал, что можно сделать ребенка, словно табурет, и поставить его пылиться в угол? Он ведь совершенно не знакомит тебя с окружающим миром. Я с ним поговорю сегодня вечером. Заодно дам тебе несколько дощечек. Там должна быть расшифровка всех символов, которые у тебя на медальоне.

– Спасибо вам, – вежливо поблагодарил Юрген.

– Ну ладно, закончили болтать. Вряд ли твоя жизнь будет завесить от того, насколько хорошо ты орудуешь языком. Ведь мужчина должен в первую очередь хорошо орудовать руками. Давай, сначала металл нужно раскалить, затем…

Юрген смотрел на угли. В глазах у него как будто зажглась новая жизнь. Свен что-то говорил, что-то важное, но слова осыпались на землю. В воздухе плавал прелый запах свежего сена. День только начинался, а ему уже было тяжело стоять на ногах. Но он всё же стоял и смотрел, как двигаются из стороны в сторону мощные руки Свена. В течение следующих нескольких часов Юрген бродил по кузнице, подавая Свену необходимые материалы. Время близилось к полудню, и Свен отправил Юргена домой.

Мальчик вышел из кузницы и тут же упал на землю, перепачкав лицо в опилках. Его тошнило, он тут же встал с земли и, не отряхнувшись, поковылял прочь. Он открыл дрожащей рукой входную дверь, что-то пробубнил Лоре, уронившей от испуга деревянный ковшик, и стал взбираться по ступенькам на второй этаж. Лора кричала, зовя Густа. Последнее, что услышал Юрген еще в сознании, – это грохот в кладовой и слова Густа. Кажется, это было: «я ведь говорил».

Спустя несколько минут он пришел в себя. Лора дала ему немного воды, принесла утреннюю похлебку и велела съесть. Густ стоял рядом и невозмутимо рассматривал одежду сына, испачканную в опилках.

– Это он ещё молот в руки не брал, – подметил Густ, обращаясь к Лоре, – а ты говоришь, чтобы он со мной шёл куда-то. Да он ведь утащит меня к самому дьяволу.

Юрген резко встал с кровати и хотел уже подать голос, но Густ его остановил. «Уже достаточно, Юрген», – сказал он, вышел из комнаты и, хромая, направился в сторону кузницы. Лора присела рядом с Юргеном и осторожно положила распаренную руку на его плечо. Какой же он был сейчас холодный. Казалось, все его тепло утекало куда-то вниз, в вечно голодную пропасть. Лора погладила сына по голове.

– Как это произошло? – спросила она мягко. – Ведь утром ты себя прекрасно чувствовал.

– Вы же знаете, приступы возникают спонтанно. Особенно когда воды долго не пил.

Юрген ударил ладонью по лбу, смахнул холодные капли пота и посмотрел в глаза матери. В них теплилось то особое сочувствие, которое бывает только у женщин. «Матушка. Она страдает куда больше меня», – подумал он. Да, её выдавали глаза. Большие глаза на маленьком личике. Он глубоко вдохнул и, набравшись сил, задал первый вопрос:

– Вы знали, что Густ не ходит к священной Реке?

Лора заколебалась. Ей хотелось перевести дыхание, прилечь на кровать рядом с Юргеном.

– Конечно, я знала.

– Но почему вы не говорили мне?

– Потому что, Юрген, мне самой было неприятно видеть, как мой муж обманывает целую Альту. И я надеялась, – она глубоко вздохнула, – что хотя бы в твоих глазах мы будем выглядеть как хорошая семья, которая чтит традиции.

– Неужели вы думали, что я никогда не узнаю?

Лора молчала. Она не решалась сказать правду, хотя ее признание сейчас не имело абсолютно никакого смысла. Лора считала, что мальчику был нужен пример достойного мужчины. Тогда, возможно, из Юргена бы и вышло что-нибудь порядочное.

– Не думала, Юрген, – ответила Лора.

Она положила тоненькую руку на его холодное плечо и нежно произнесла:

– Как ты себя чувствуешь?

– Сейчас? Превосходно, – с горькой усмешкой ответил он.

– Тогда немного отдохни и сразу же вставай. Мне нужна твоя помощь на первом этаже. Скоро вернётся Густ, к тому моменту всё должно быть готово.

Юрген послушно кивнул и тут же поднялся с кровати. Дрожащие ноги мягко встали на прохладный пол. Ему было стыдно за то, что с ним происходит. Разве мог он в чем-то обвинять Густа, разве мог его вообще судить? Ведь если посмотреть на него самого, на это трясущееся тело… лучше бы сразу это тело спустить вниз по Реке прямиком в священный лес. Он постарался выпрямиться, у него болела спина. День всё еще продолжался.

Стрелка часов приблизилась к девяти. Юрген Лаос сидел за столом на первом этаже, уставившись в потолок, почерневший от дыма. Он положил руки на колени, стараясь унять дрожь. Не получалось. Как ему хотелось отдать кому-нибудь эту неведомую силу, трясшую его с самого раннего детства. Это была настоящая болезнь, куда ужаснее всех остальных, ибо её невозможно было передать, распространить, как гонорею или хворь. Эту боль не мог с ним разделить никто другой, не мог элементарно представить, понять.

Густ Лаос закрыл дверь, кинул на Юргена сумрачный взгляд и направился в конец комнаты, на ходу стаскивая с себя мокрую от пота рубаху. За ним вошла Лора, держа в руках несколько бутылей с пресной водой. Она велела Юргену встать и помочь поставить на стол три тарелки с капустной похлебкой и мясом.

Начался поздний ужин. Несколько минут полной тишины затянули комнату. Даже воздух казался неподвижным. Юрген решил начать первым:

– Свен говорил что-нибудь? – обратился он к Густу.

– Много чего, – бросил Густ, – Свен как грёбаный небосвод, все из него льётся, даже когда не просят.

Юрген глубоко вдохнул.

– Я смогу вернуться в кузницу?

– Сможешь.

Густ отвернулся, продолжая хлебать. Он не поднимал голову и с яростью смотрел в тарелку. Лора замялась и спустя минуту подала голос:

– В кладовой стало заметно лучше с прошлого года, не так ли, Густ?

– Ничего не изменилось, как было пусто, так и осталось.

– Ну что же, в доме всегда есть работа. И всё-таки, эта работа к чему-то приводит. Работа всегда приносит свои плоды, – Лора перевела взгляд на Юргена, – особенно работа над собой.

– Конечно, – фыркнул Густ.

Он отставил тарелку, встал из-за стола и всучил Юргену несколько тоненьких дощечек, на которых были изображены странные символы, а рядом с ними – обычные слова.

– Свен передал, – Густ пожал плечами. – Видимо, считает, что тебе недостаёт игрушек. Странный мужик, конечно, но это не моё дело.

Густ вышел. Юрген покачал головой, выпил залпом кружку прохладной воды. Поблагодарил Лору за ужин и пополз на второй этаж.

К ночи становилось холодно. Юрген вытащил из старой бочки белый мех, закутался и снова лег, стараясь меньше двигаться и больше думать. Время бежит быстрее, когда думаешь. Он лежал несколько минут, но сон не приходил. Тогда он встал и побрел к окну. Сегодня была странная ночь: возле священного леса горели зеленые огни. Юргену даже показалось на миг, будто чьи-то глаза наблюдают за ним.

Он взял с пола дощечки, которые ему передал Свен, и начал разглядывать странные символы. Настало время разобраться со своим медальоном. Он откинул мех, пошарил руками и спустя несколько секунд достал медальон из-под тоненькой рубахи. Провел по нему дрожащим пальцем, ощущая три плавно переплетенные линии. Поднес ближе к глазам дощечки, пытаясь найти похожие символы. Спустя несколько минут ему удалось найти точно такие же линии. Последнее слово он отыскивал уже по буквам, и на это ушло много времени.

Спустя час у Юргена был готов перевод.

«Внутри медальона – новый источник. Написано Хонори».

Ничего вразумительного. Юрген отбросил дощечки, спрятал медальон. Должно быть, он принадлежал какому-то человеку ещё во времена становления народа Альты. На удивление, медальон отлично сохранился. Он светился чистой серебристой сталью. Иногда Юргену даже казалось, что от символов исходит странный красный свет. Чего только порой не покажется. В любом случае, медальон принадлежал не ему. Единственное, что его беспокоило – как медальон оказался у него с самого рождения? Лора явно что-то напутала.

Юрген глубоко вздохнул, словно пытаясь с чем-то смириться, и вновь закутался в белый мех. Он задул свечу и лег спать.

Глава III

Юргену снился сон.

Странный молодой человек, внешне напоминающий Юргена, лежал на высокой траве не в силах пошевелиться. Свет лез ему под ресницы, чей-то знакомый голос поблизости кричал:

– Хонори!

– Хонори! Бежим!

– Хонори! Бежим из Кальки!

Молодой человек протянул руку, будто пытаясь дотянуться до голоса. В мгновение его окружили странные темные люди, взяли за ноги, руки, волосы, и потащили к реке.

– Папа, – крикнул молодой человек из последних сил. – Папа!

Один из темных людей подошел к стоящему на коленях мужчине, направил на него странное оружие, похожее на пистолет Густа, нажал на курок. Выстрел унес с собой окружающее пространство: пуля прошлась через сон Юргена, вылетела резким пробуждением. Весь в поту и слезах, он подскочил с кровати.

Хонори!

Хонори!

Хонори!

Голос все еще пульсировал в голове. Отдышавшись, Юрген снова лег. Перед глазами мелькали картинки, раскрашенные сном. Кто такой Хонори? Не первый раз он слышит это имя. Скорее всего, это все из-за символов на медальоне, которые он вчера прочел, они отразились у него во сне. Переживать не о чем. Юрген натянул на себя мех и, немного полежав, снова погрузился в сон.

Глава IV

Минула спокойная неделя. Юрген хорошо держался в кузнице до полудня, затем отправлялся домой помогать по хозяйству Лоре. Всё шло своим чередом, пока из кузницы не пропал Свен. Юрген начал беспокоиться спустя три дня. Возможно, старик умер в своем доме, но кому до этого есть дело? А может, он и вовсе умер по дороге к священной Реке. Густ обещал разобраться во всем. Ему тоже было не по себе, а в глазах у него застывал страх, когда речь заходила об исчезновении Свена.

В кладовой продолжали появляться бутыли. На некоторых были странные черные полоски, но Густ уверял Лору, что это просто новая вода. Долго в хранилище она не задерживалась, иначе могла испортиться. Ее там держали на крайний случай и в основном давали больным. Густ заливался смехом. Говорил, что им положено куда больше воды, потому что с ними живет больной Юрген.

Сегодня отца не было дома целый день. Вечер наступил быстро. В комнате Юргена внезапно отворилась дверь. Вошел Густ. Он принюхался и сделал такое лицо, будто готов был изрыгнуть назад все то, что вдохнул. Он держал в руке бутылку с красной жидкостью. Густ уселся на кровать, твердым голосом приказал Юргену сесть рядом.

– Значит, мы с тобой особенные люди, так? – спросил он.

Юрген несколько секунд молча смотрел в серые глаза Густа. Тот улыбнулся, показав желтые зубы, поднял неаккуратным движением бутыль с красной жидкостью и поднёс её прямо к носу Юргена.

– Пей! – приказал он.

– Что это?

– Особая вода для особых людей, – засмеялся он. – Красная жидкость для красненького человечка, смекаешь?

– Это алкоголь?

– Да. Пей, я тебе говорю.

Юрген откупорил бутылку. В воздухе поплыл мягкий дымок с древесными оттенками. Он сделал два глотка и спустя несколько секунд почувствовал, что его рот становится деревянным, а язык немеет. Густ расхохотался.

– Этот алкоголь напоминает тебе, что каждый день ты живешь в Альте, а не в каком-нибудь «городе цветов».

– Наве-е-ерное, – неуверенно протянул Юрген. Ему было непонятно, зачем к нему пришел Густ, ведь раньше он никогда так не делал.

– Как ты считаешь, Юрген, стоит ли нам здесь оставаться? В этом Богом забытом месте, где нет никаких перспектив.

– Что вы имеете в виду?

– Я прожил на этой земле достаточно долго. Привык. Но бывают такие случаи, когда ты плюешь на привычки и вынужден действовать решительно, иначе помрешь. Это как с зараженной ногой, которую необходимо отрезать. Ты привык ходить ногами, но у тебя нет выбора, и ты действуешь как угодно, но лишь бы спасти себя. Так же и с этим местом. Альта – это зараженная нога, понимаешь?

Юрген молчал. Он не знал, что ответить.

– Ну да, конечно, – разочарованно кивнул Густ. – Ты слишком юн, чтобы что-то понимать. Да и вообще, какая разница. Всё это не имеет значения для тебя. – У Густа начал заплетаться язык, он опустошил бутыль.

– Забудь, что я тебе сказал, – невнятно произнес Густ. – Зачем я вообще сюда пришел. К черту всё это.

Он встал с кровати и вышел, закрыв за собой дверь. Спустился на первый этаж и направился пьяной походкой в сторону спальни. Затем ненадолго остановился, глянул на кровать и смахнул несколько крупных капель, которые лились откуда-то сверху. Он облизнул губы, почувствовал соль на языке. Проклятая вода: она все струились и струились на пол. Густ прикоснулся к своему лицу и тут же отдернул руку. Лицо было холодным и скользким, как неживое.

Он так привык к вещам, привык к телу женщины и даже к собственным сапогам, которые терли ему ноги. Потерять независимость для мужчины – страшно. Осознать её потерю еще страшнее. И вот он стоит, окруженный своими зависимостями. Ни к чему не следует привыкать, особенно к живому. Он взглянул на Лору, на её крохотное личико и слабые руки. С какой целью Бог поселяет в этом месте таких женщин, если заранее знает, что им здесь не выжить? Это настоящая издевка. Если его не станет, Лора до реки не дойдет. О Юргене и говорить нечего. Юрген напоминает вещь, которая держит тепло, пока к ней прикасаешься, но стоит её ненадолго оставить, – тут же становится холодной, мертвой. Он сжал кулак, двинул им несколько раз по лбу, пытаясь протрезветь. Нужно что-то решать прямо сейчас. Но какое ему вообще дело до Лоры с Юргеном?! Это всё необходимо отрезать. Прямо сейчас. Отрезать, оборвать, отпустить. Он подошел к своему письменному столу. Достал записную книжонку, вынул из кожаной кобуры пистолет и, порывшись как следует в

ящике стола, вытянул ключ. Тот самый ключ, от хранилища Альты с пресной водой. Он со злостью швырнул его в сторону.

«Ну что же, если я выбрался из Суула, то и из этого ада выберусь, так ведь?» – он посмотрел вверх, будто обращаясь к кому-то. Затем вернулся к Лоре, положил свою холодную руку ей на щеку. У него в запасе ещё несколько минут, и он решил, что эти минуты будет рядом с ней. Все предметы теперь казались ему противными и отталкивающими.

Глава V

Следующие два дня Юрген выпустил из-под контроля. Особенно в три часа дня, когда время имеет привычку останавливаться, ему казалось, что день никогда не закончится, а значит не закончится дождь, не закончится работа в кузнице и вечная ломота в костях. Два дня. Это был бессвязный бред: очертания родной местности расплывались перед глазами, будто они находились под толщей воды. Ты тянешь руку, надеясь прикоснуться к твердому предмету, хоть к какой-нибудь опоре, но вокруг одна холодная вода.

Два последних дня прошли без Густа. Лора не находила себе места, постоянно выглядывая в окно. Его не было ни в кладовой, где он имел привычку находиться, ни во дворе. «Скорее всего, Густ напился», – подумал Юрген, и с этой мыслью погрузился в сон, пока его не разбудили громкие толчки в дверь на первом этаже.

Два незнакомых Юргену человека вломились в дом. Они позвали Лору и начали с ней обсуждать что-то важное, временами повышая голос. Один из них громко закричал откуда-то издалека, должно быть из кладовой, что-то похожее на «наконец-то нашел». Юрген встал с постели и неслышно вышел из комнаты. Он спустился на несколько ступенек и замер.

– Дождь смывает все следы, это ведь просто смешно, Лора.

– Тогда зачем вы задаете мне эти вопросы? Я не видела Густа уже два дня, поэтому ничего не знаю.

– Хорошо. У нас ведь есть доказательства, господа?

Юргену показался очень знакомым этот голос. Что-то в нем было вчерашнее, отдававшее кислотой во рту. Юрген прислушался.

– О чем вы говорите? – спросила Лора. – Знаете, вы двое, лучше прислушайтесь к Реке. Мой муж до сих пор стоит на этой земле, хотя должен уже лежать в ней. И если он способен устоять здесь, почему вы считаете, будто он не способен дойти до священной Реки?

– Мы знали людей, таких как Густ. У подобных людей подобные судьбы, – сказал один из темных.

– Как у подобных предметов – подобные тени, – подхватил второй.

– Лора, долго это не могло оставаться незамеченным. Ты с Юргеном поплывешь по самой Реке в священный лес.

– И мы сомневаемся, что Река вытолкнет тебя вместе с твоим сыном обратно в этот мир.

– Два дня на подготовку.

Юрген чуть выглянул, пытаясь рассмотреть получше, что происходит. Казалось, Лору облепили эти темные люди. А она стояла на месте, не шелохнувшись, пробегая глазами от одного человека к другому.

Наконец она попыталась что-то сказать. Юрген видел, как Лора шевелила тонкими губами, но слова не выходили. Казалось, они застряли внутри. Слова. Это всего лишь формальность. Юрген не выдержал, он начал быстро спускаться по лестнице, сжимая кулак.

– Вон из нашего дома! – сказал он со злостью. – Что вам нужно?!

– Не стоит повышать голос, Юрген, иначе ты можешь упасть в обморок, – засмеялся один из темных. – Мы знаем, что тебе трудно держаться на ногах.

– Много вы знаете, значит? А что нельзя вламываться в чужой дом, вы не знаете?

Двое темных покачали головами и, как капли воды, быстро соединились, шагнув друг к другу.

– Мы ждем Густа Лаоса, – начал первый, – чтобы задать ему пару вопросов. Кто-то несколько месяцев грабил хранилище со священной водой.

– Уже который раз ограбил! – воскликнул второй. – Но мы не дураки и подготовились. Покажешь? – обратился он к первому.

Тот кивнул, отправился в кладовую и вернулся с бутылью. Перевернул её и маленьким толстым пальцем ткнул в нижнюю часть, где виднелись полоски темного цвета.

– Мы пометили все бутыли в хранилище. Интересный ход, неправда ли? Кроме того, Густ Лаос – единственный, кто мог иметь второй ключ.

– По правде говоря, мы первое время считали, что ключи сделал Свен. Так долго крутились вокруг них, что решили прийти к истокам и позаботиться о самих бутылях воды. Позже мы выяснили, что Свен был в сговоре с Густом.

– Что вы сделали с ним? – испугался Юрген.

– Свену давно пора было отправиться в священный лес к своим родным. Он забылся. Мы исправили это, подарив ему долгожданный покой.

– Не верю, – ошарашено проговорил Юрген. – Это ведь все неправда, матушка?

Лора не ответила, она была словно в трансе.

– И что же теперь? – спросил Юрген. Он почувствовал, что поднимается температура, голова кружилась.

Два темных человека поплыли у него перед глазами. Теперь они были похожи на бесформенные пятна. Повисло минутное молчание.

– Потому как воровство из хранилища представляет собой предательство, – начал нескладно первый, – то и наказание должно быть соответствующее. Оно распространяется на всю семью.

– Наказание смерть, – уронил второй.

– Что-что? – Юрген тут же пришел в себя. Он тряхнул головой, словно пёс, который вышел из воды. – Не понимаю, что вы говорите!

– Если солнце гаснет, то гаснет и все, что оно освещает.

– Густ Лаос будет закрыт под землю по его обычаям. Всех остальных, – второй обвел безразличным взглядом Юргена с Лорой, – отправят в священный лес, согласно нашим обычаям.

Юрген заметил, как один темный улыбнулся. Мальчик с усилием сжал трясущуюся руку в кулак и двинулся вперед, чтобы добраться до этого человека, до его желтой улыбки. Проклятая желтая улыбка. Она превращала все окружающее в омерзительную кашу. Эта желтая улыбка, насмешка.

– Юрген! – Лора схватила его тонкими пальчиками за рукав и держала несколько секунд, пока он не посмотрел в её сторону. Бедная Лора. Она дрожала, её губы шевелились быстро-быстро. Она спрашивала темных людей, сколько у них с Юргеном осталось времени.

– Казнь случится через два дня, – ответил второй. – Надеюсь, к тому времени мы найдем Густа Лаоса.

– Вам будет достаточно двух дней? – спросил первый.

– Достаточно, – быстро ответил второй, не дав сказать Лоре.

– К черту вас и вашу воду! – крикнул Юрген и, со злостью бросив бутыль в кладовую, завалился на стул. Два темных человека переглянулись и поспешно

вышли из комнаты, оставив Юргена с Лорой наедине.

– Проклятье, где Густ? Он точно сбежал. Как он мог так с нами поступить? – обратился Юрген к Лоре, сдерживая слезы. – Я догадывался, что он от нас сбежит, но чтобы так подло…

– Это какая-то ошибка… или же нет, – очень тихо, почти неслышно произнесла Лора.

– Что вы говорите, матушка?

– У меня такое ощущение, будто все затонуло, погрузились под воду. Все унесла Река. Все погибло.

Юрген взглянул на мать: она не знала, за какое место удержаться взглядом. Ей было страшно.

– Не нужно так говорить, мы ещё наплаву, – лицо Юрген оживилось. – Действительно, мы ведь ещё можем… убежать! Они оставили нас здесь. Мы можем убежать!

– Мы никуда не убежим, – отрезала Лора. – Ты никуда не убежишь, погибнешь спустя день без помощи.

Она улыбнулась. В её улыбке была нежность, грусть и еще что-то. И это что-то пугало Юргена. Люди способны улыбаться от безысходности, что может быть хуже этого?

– Если Река считает, что здесь наш конец, значит он здесь, – она с трудом отвернулась и уставилась в угол комнаты.

– Нет! – крикнул Юрген. Внутри у него словно что-то щёлкнуло, и он выбежал на улицу, стирая со лба холодные капли. Ему казалось, что он сейчас умрет, что спустя минуту всему придет конец и останется одна темнота. Он бежал, проваливаясь ногами в жидкую грязь. Бежал и бежал, не оглядываясь. Сейчас было самым важным двигаться, не останавливаться. Он должен доказать всем, что вот он – Юрген Лаос – всё еще здесь, и этот Лаос хочет жить, очень хочет

жить.

Он внезапно остановился, упал на колени и начал задыхаться. Он уже не верил, что выживет. Только смотрел на утреннее небо, смотрел и ничего не понимал. Спустя минуту он потерял сознание.

Глава VI

Два дня спустя

По мере приближения к реке, дорога сужалась, сдавливаемая серыми стволами. Юрген шёл позади, превозмогая боль в ногах. Он знал, что это была дорога в один конец; если он упадет в обморок, если его вновь захлестнет чувство приближающейся смерти, это ничего не изменит. Его дотащат до нужного места и утопят в реке. Назад пути нет, его не было никогда на этой земле.

Остановившись, Юрген повернул голову. Он стоял в самом конце улицы. Главная дорога представлялась ему толстым стволом, постепенно сужающимся и заканчивающимся на нем самом, а переулки – небольшими веточками, на которых виднелось по шесть-семь почек: так выглядели разбухшие от влаги деревянные дома. Шел крупный дождь. Он медленно стучал по земле. Прошел час пути, и на горизонте показался луг, овеваемый ветром. Это было как в сказке. Ветер касался плеч Юргена, срывал тоненькие веточки акаций, и мир вокруг трепетал. Пахло молодой жимолостью и влажной кожей.

Юрген взглянул на Лору, шедшую впереди. Она казалось ему полупрозрачной. В последние два дня она не притрагивалась к еде и не выходила из дома, только медленно двигалась по комнате. Она даже не шелохнулась, когда Юрген выбежал из дома и потерял сознание. Казалось, в тот момент, когда темные люди вломились в их дом, у неё внутри что-то лопнуло, порвалось.

Юрген ускорил шаг, приблизился к Лоре и нежно прикоснулся к её холодной руке. Лора обернулась и рассеянно уставилась вдаль. Она что-то пыталась сказать, медленно шевеля бледными губами. Затем её рука внезапно

выскользнула с ладони Юргена, и она двинулась дальше, по-прежнему глядя куда-то вдаль и пытаясь что-то произнести.

У Юргена перехватило дыхание и защемило внутри. Один из темных похлопал его по спине.

– Мы нашли Густа. Скоро всё закончится, – сказал он. В этих словах слышались одновременно и радость, и… отчаяние.

Юрген поднял голову, посмотрел вокруг. Листья деревьев казались застывшими, как капли воды осенью. Ветер внезапно стих; все стало неподвижным, несущественным. Разве он должен идти вперед? Почему бы ему прямо сейчас не упасть на мокрую траву и не умереть наконец? Нет. Он должен был увидеть Густа, посмотреть ему в глаза и сказать, что это все по его вине.

Почти добрались. Вдали с правой стороны виднелись огромные горы. Удивительная широкая земля, здесь было все как на ладони. Даже сейчас, когда до реки оставалось идти не меньше двадцати минут, можно было увидеть её плавные очертания. Она брала начало на небольшой возвышенности и тянулась в несколько километров, пока не опрокидывала всю свою тяжесть с крутого склона, образуя водопад. Затем уходила глубоко в лес, и над ней с обеих сторон повисали утесы, заросшие высокими деревьями.

Юрген догадывался, что его с Лорой ждёт дорога вниз по водопаду. Умрет ли он сразу же, ударившись о воду, о камни, или будет медленно умирать, пока его легкие не наполнятся водой?

– Больно умирать? – спросил Юрген у темного человека, шедшего рядом с ним. Темный оглядел его с ног до головы.

– Без понятия. Но, скажем так, за всё время, пока мы спускали по водопаду живых людей, я никогда не слышал криков.

Юрген тяжело сглотнул.

– Это из-за шума воды, – он опустил голову. – А я думаю, умирать больно.

Темный человек еще раз взглянул на Юргена, который едва держался на ногах.

– Тебе уж лучше умереть, чем жить вот так, – произнес он твердо.

– Неужели? Вполне может быть, – Юрген посмотрел в сторону Лары и тут же опустил глаза. – Только заслужил ли я это?

– Если заслужил жизнь, то заслужил и смерть.

Юрген поник. Слишком громкие слова для его жизни.

Спустя несколько минут они прибыли на место. На дне небольшого оврага на коленях в кругу камней стоял Густ Лаос и смотрел в сторону реки, отделявшей Альту от священного леса. Юргену с Лорой дали несколько минут, помогли спуститься и оставили их наедине с Густом. Лора осталась стоять на месте. Юрген сразу же направился к отцу, но внезапно остановился, увидев надпись на одном из камней: «Смерть придет, у неё…», он оторвал взгляд от камня.

– Что думаете о жизни, Густ? – спросил он. – Нравится вам жить?

Густ устало взглянул на Юргена. Его лицо было в засохшей крови, а на скулах виднелись темно-синие пятна. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза руками. Спустя несколько секунд на коленях его грязных штанов появилось несколько маленьких мокрых пятен. У Юргена подкосились ноги.

– Не таким вы себя представляли, значит? – он приблизился к камню со странной надписью и осторожно протер его от пыли своей маленькой ладонью, – не таким вас знает ваша семья. Покажите свои мокрые глаза, Густ.

– Лора, – выдавил из себя Густ, его губы едва шевелились, – где Лора?

– Там, где вы её оставили. Где же ей ещё быть.

Густ тяжело вздохнул. Углы красно-очерченных губ опустились, он сплюнул, слюна была красной.

– Что ты от меня х-хочешь? Ты ведь сам виноват, это ведь ты б-болен, из-за тебя мы все погибли. Ты, это всё ты, ты, ты, проклятый мальчишка, проклятая Аль… та, это всё ты, – Густ перестал шевелить губами, у него не осталось сил.

– Я во всем виновен. Это правда. Жаль, что я не могу ответить за всех своей жизнью. Я бы её отдал. А вы свою – нет.

Он отошёл от Густа, огляделся по сторонам. Повсюду стояли древние камни со знакомыми символами. На одном была надпись: «Цикл начинается здесь».

– Довольно оттягивать. Начинаем сейчас! – крикнул один из темных людей.

– Я считаю, было бы правильным решением убить Густа Лаоса его же оружием. – подхватил его напарник. – Он пришел с ним на нашу землю, следовательно, должен с ним же и уйти.

– Да, это действительно имеет смысл. Принесите его оружие.

Трое темных подняли Густа Лаоса. Он совсем не мог идти, его ноги волоклись по земле, цеплялись за камни. Похоже, ему не давали воды все эти дни, поэтому он был так истощен. Его поставили на колени.

Густ глядел на белое солнце, глядел и не моргал. В его голове проносились воспоминания – дни в «Суульской» земле, как он скакал на молодом коне по дивной долине, усыпанной мягкой травой, как сбивал ногами нежные бутоны цветов, подкидывая их вверх: туда, где горело настоящее живое солнце, где развивались цветные ленты радуги после редкого теплого дождя. Он был среди друзей, пил, смеялся, творил жизнь. Он был? Все это обесцветилось. Солнце превратилось в белую гадость, похожую на плесень в его кладовой. От знакомых людей остались лишь застывшие лица, измученные войной, окоченевшие сердца, наполненные бесслезной болью. Воспоминания погрузились в толщу воды. Стоит один раз дать себе слабину, и вот ты уже пытаешься поднять их с самого дна, вновь и вновь, напиваясь до потери сознания. Способен ли мужчина любить? Способен ли он на это? Нет. Он уже ни на что не способен, только смотреть на мир и ничему не удивляться. Сейчас в его глазах одно белое пятно, залитое кровью. Она льётся отовсюду. Будто кто-то порезал вены небосводу. Истекающие кровью всадники мчатся по окровавленной долине, сбивая головы

врагов, подкидывая их вверх. «Только бы поскорее все закончилось, – говорил он про себя».

Юрген наблюдал, как темный человек подносит пистолет ко лбу Густа. Юрген был зол на отца, но совсем не хотел, чтобы тот погиб. Он смотрел на пистолет, смотрел на курок и ничего не мог предпринять. Что он мог, если через несколько минут его самого убьют? Однако все же было «что-то». Невнятное чувство, будто он способен всё изменить. Он ещё раз пристально взглянул на пистолет. Глубоко вдохнул. Юрген ощущал этот кремневый пистолет, как если бы держал его в руке. Достаточно было лишь согнуть указательный палец. Юрген от страха отдернул руку. Неужели он уже сходит с ума.

Темный человек сделал движение пальцем, обводя курок. Юрген сжал кулак, и курок не сдвинулся с места. Темный напряг руку и начал давить с большей силой. Юрген чувствовал, как курок приходит в движение. Нет. Он держал его, как если бы держал сам. Темный человек взял оружие двумя руками и начал давить. Курок медленно поддавался. Тело Юргена заломило, и он разжал кулак.

Кусок кремния двинулся вперед, ударился о пластину, высекая искры. Порох вспыхнул. Оглушительный звук выстрела разорвал пространство. Пуля пробила череп Густа, и, змеей пройдясь по мягким тканям, вылетела раздробленными частями на пол вместе с водянистой кровью. Все закончилось. Юрген подскочил с места, рванулся к Густу. Но его схватили и потащили к реке.

– Сначала мать, – сказал темный человек.

Лору подвели к воде. Она равнодушно смотрела вверх, пока её лицо не погрузилось под воду. Лору унесло потоком, словно тоненькую дощечку.

– Мама, нет! – закричал Юрген. Обезумевший, он вырывался из сильных рук.

– Успокойтесь. Сейчас вы отправитесь в священный лес.

Юрген взглянул на темного человека и гневно вскрикнул: «Я вас всех убью, вы сами отправитесь в свой поганый лес!»

Река плескалась, выворачиваясь наизнанку. Холодные брызги долетали до лица. Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и тут же почувствовал резкую боль и холод. Юргена бросили в Реку. Его кидало в разные стороны. Затем он внезапно почувствовал ужасную боль, будто упал не в воду, а на землю с огромной горы. Он не мог дышать, внутри тела все сжималось.

Юрген барахтался, пока его не вытолкнуло на поверхность. Он вдохнул как можно глубже и сразу же почувствовал жар в груди. Что-то мешало ему дышать. Река сужалась. Он плыл с огромной скоростью, перед глазами проносились камни, свисающие ветки деревьев. Если он сейчас ничего не предпримет, то умрет. Он хотел жить! Усилием воли Юрген попытался хоть как-то противостоять несущему его потоку, он хотел шевельнуть рукой. Безуспешно. Попытался ещё несколько раз, пока не ощутил…опять это странное чувство.

Он двигал, но не рукой, а той частью своего тела, которую прежде не использовал. Юрген хотел добраться до веток, и его подбросило в воздух. Он заставил эту часть тела двигаться вновь, и его подкинуло снова, еще дальше и выше.

– Руки, руки, руки! – думал Юрген, пытаясь сжать ладони в кулаки.

Еще немного времени, и его разобьет о камни или окончательно затянет под воду. Он резко выдохнул, и река снова подкинула его в воздух. Юрген схватился за проносящуюся мимо ветку и ударился о камень. В глазах мелькали зеленые, серые, голубые пятна: они смешивались и разливались. Юрген закрыл глаза и погрузился в темноту.

Глава VII

Юрген проснулся, ощущая слабый холод во всем теле. Он лежал, усыпанный зелеными листьями, в воде посреди леса. Он был жив? Между огромных деревьев дробились солнечные лучи, слабо освещая окружающее пространство. С наклона бежал небольшой ручеек, спотыкаясь о мягкие камни. Юрген вылез из воды, протер глаза и начал медленно приходить в себя. Пахло дождем, листья деревьев трепетали на ветру, сбрасывая на лицо Юргена холодные капли. Он сделал движение ногой и приятно удивился. Привычная утренняя боль, она

исчезла. Не осталось ни дрожи в ногах, ни отвратительного озноба по всему телу. И руки… они были совсем настоящие, кожа на них была такой же светлой, как у обычных людей. Он почувствовал радостное оживление, вскочил с места и побежал вперед, перепрыгивая торчащие из-под земли корни, втаптывая рыхлую землю всей тяжестью своих ног.

Он добежал до склона, поросшего мхом, и внезапно остановился, улыбка сошла с его лица. Позади были только деревья, окутанные влажной мглой. Впереди медленно тянулся ручей. Юргену стало вдруг тяжело дышать. Что это за место? Он ведь недавно чуть не утонул в реке… или же он не выжил? Здесь все казалось настолько ненастоящим, что ему трудно было сообразить, действительно ли всё это существует.

Где Лора? Почему он один в этом лесу? Юрген испугался. Он повернул обратно и побежал, не разбирая дороги. Выбившись из сил, он остановился и упал на влажную землю, заполз под кусты, спрятался в зарослях и провел там несколько часов. Юрген никогда не видел такого количества зелени. Куда ни посмотри, везде было что-то живое, пульсирующее. Странные растения с огненными лепестками, плещущиеся на свету бутоны. От мерцающих вдали огней замирало все внутри. Быть может, он тоже светился, но не замечал этого.

Юрген выглянул из своего укрытия. Ему показалось, что лес задвигался, деревья разошлись, подобно занавесу – прямо над ним пронеслось невидимое существо, определимое только по движению воздуха. Мальчик оглянулся назад и увидел листву, увлекаемую призрачным вихрем.

Неожиданно что-то кольнуло Юргена в ногу так, что он выскочил из зарослей. Он быстро обернулся и, не заметив ничего, перевел взгляд на свою ногу. Невидимая нить коснулась его лба и разорвалась. Что это было? Кусты зашевелились и нечто вновь проскользнуло. Оно было под землей, он чувствовал это. «Сейчас появится», – сказал Юрген про себя.

В нескольких метрах показалось существо, похожее на жука. Оно появилось из ниоткуда: сначала – четыре длинные лапки, затем тонкое изогнутое туловище с небольшими срезами по бокам, напоминающими жабры. Голова у него была почти человеческой. Существо переливалось зеленовато-голубыми оттенками. Оно несколько секунд не двигаясь смотрело на Юргена. Затем пошевелило усиками на голове и исчезло, оставив голубоватый след, растворяющийся в воздухе.

– Галлюцинации, – произнес вслух Юрген. – Возможно, от голода или от страха.

Он тряхнул головой и пошел вперед, сначала медленно, затем быстрее, и наконец очутился возле небольших кустов, внешне напоминавших скрученную медную проволоку. Мальчик сорвал с ветки крупный плод, повертел его в руках. Каким же он был холодным. Казалось, Юрген держал кусочек льда. Под темной кожурой скрывалась светящаяся желтая косточка. Юрген попробовал плод; холодная мякоть быстро растворилась во рту. Он сорвал еще несколько плодов, проглотил. В руках у него светились, как монетки, желтые косточки. Юрген бросил их в воду и направился дальше, проваливаясь в лужицы, прикрытые зелеными листьями. Ему стало заметно лучше.

Юрген вдруг остановился – что-то вновь кольнуло его в ногу. Он посмотрел вниз, из земли торчала голова жука с длинными усиками. Вокруг неё расплывалось голубоватое облако, из которого показалась длинная лапка. Юрген отпрыгнул в сторону, но было слишком поздно. Его засасывало внутрь облака, жук крепко держал его за ногу. Юрген закричал от боли и начал дергать ногами, он нащупал влажный камень и впечатал его в голову странному насекомому. Ничего не произошло. Жук продолжал держать. Юрген почувствовал, как из его тела что-то заструилось, будто из всех пор разом хлынул дождь. Его засосало в облако, и тут же выкинуло в другую часть леса. С неимоверными усилиями он поднялся, взял острую ветку и приготовился встретить жука. Что это такое и как с этим бороться? А что если он сошел с ума, и сейчас просто полумертвый лежит под деревом? Нет, он определенно спятил.

– Не спятил, – отчетливо прозвучало у него в голове.

– Что?

Юрген огляделся. Было очень светло. Он стоял на серой тропинке, ведущей к двухэтажному дому. Темные стены здания, крыша веранды были усыпаны розовыми бегониями. Ближе к дому дорога расширялась, образуя вокруг дома серое кольцо, подпираемое камнями.

– Здесь заметно светлее, не так ли? – прозвучал голос. – А этот черный цвет, разве он не выделяется среди зелени?

Юрген вздрогнул.

– Почему я слышу странный голос в своей голове?

– Где же тебе ещё меня слышать? Оглянись вокруг, меня нигде нет.

Юрген громко засмеялся. Это был определенно сон.

– Я не хочу быть здесь, – решительно заявил он.

– Можешь не стоять, я разрешаю пройти в дом.

Юрген ошарашенно отступил назад на несколько шагов. Невероятно, что с ним происходит: путешествие по реке, жуки, странные голоса в голове. Этому должно быть объяснение. Он неуверенно направился по серой тропинке к темному дому. Дверь оказалась распахнутой. В центре комнаты стоял большой стол с букетами водяных лилий. Справа располагалась кровать, подпертая небольшой тумбочкой, на которой стоял старый подсвечник. Из окон бил яркий свет, подсвечивая пыль в воздухе. Юрген глубоко вдохнул. В этом месте приятно пахло ореховым маслом и старой мебелью.

– Ну вот ты и вошел, Юрген. Можешь сесть в кресло, – послышалось сверху.

Юрген, ошибочно принимая происходящее за сон, спокойно сел в старое кресло. Затем услышал шаги по лестнице – со второго этажа кто-то спускался. Юрген взглянул наверх. Перед ним предстал старый человек с кожей абрикосового цвета и яркими зелеными глазами. На нем был темный халат. Он мягко посмотрел на Юргена.

– Добрый день, – произнес зеленоглазый человек. – У тебя много вопросов, не так ли?

– Да-а. Я не понимаю, как здесь оказался.

– По-твоему, тебя здесь быть не должно? – с легкой улыбкой произнес странный человек. Он подошел к столу, достал несколько лилий, взмахнул тонкой рукой, обрезая стебли. От приятного аромата Юрген расплылся в кресле.

– Я не понимаю, как все это возможно, – начал он, – что со мной произошло после того, как я потерял сознание? Почему я оказался в этом лесу? Где Лора? Что за проклятый жук напал на меня? Кто вы такой?

– Меня зовут Хонори. Мы с тобой знакомы, Юрген.

– Нет, мы не знакомы, я никогда не был в этом месте, – воспротивился Юрген и тут же осекся. – Хотя подождите…я вспомнил, вы были у меня во сне!

– Я тоже здесь не был, – Хонори пропустил мимо ушей слова Юргена, огляделся. – Прибыл сюда несколько часов назад. Понимаешь ли, я выбрал это место для тебя. Хотя, к сожалению, у нас не так много времени, чтобы насладиться его красотой.

– Для чего? – удивился Юрген, – Это вы меня сюда перенесли?

Хонори вновь тепло улыбнулся.

– Прошу прощения, я совершенно забыл, что ты с Ооми не знаком. Мне следовало послать за тобой кого-то другого, менее впечатляющего.

– Ооми, значит, – Юрген озадачено посмотрел на Хонори. – Это вы так жука называете?

– Это не совсем жук.

– А по-моему, самый обыкновенный жук, если не считать способности внезапно исчезать, – попробовал пошутить Юрген.

– Ты считаешь способности Ооми чем-то необычным? – невозмутимо продолжал Хонори. – Почему же ты меня не спрашиваешь о болезни, которая мучила тебя все эти долгие шестнадцать лет, а сейчас внезапно исчезла? Ты не чувствуешь в себе никаких изменений с тех пор, как очутился здесь? Тебе это не кажется странным?

Хонори дотронулся до медальона Юргена. Его зеленые глаза стали заметно ярче.

– Вы что, каждую секунду удивляюсь! – рассмеялся Юрген. – Я уже к обычным камням боюсь прикасаться, как бы они не взорвались у меня под ногами.

Хонори сочувствующе посмотрел на мальчика.

– Это не сон, – предупредил Хонори. – Ты в цикле, Юрген.

– В каком цикле? – Юрген внезапно насторожился. Эту фразу он слышал во сне.

Хонори ничего не ответил.

– Подождите, как я очутился в этом месте и что здесь происходит? – серьезно спросил Юрген. – Я умер и попал в священный лес?

– Возможно, умер, – едва улыбнувшись, сказал Хонори. – Но какая разница? Ты чувствуешь себя мертвым?

Юрген задумался на несколько секунд, затем ущипнул себя за руку, почувствовав легкую боль.

– Нет, – уверенно заключил он. – Чувствую себя живым.

– Вот и отлично. Будь спокойней, Юрген. Если ты действительно хочешь всё узнать, то, пожалуйста, расскажу с самого начала. Ты…потерял сознание возле Альты, – как можно мягче сказал Хонори, чтобы не шокировать лишний раз Юргена. – После чего блуждал по лесу, поглощая ману растений до тех пор, пока не пришёл в себя. Тогда ты стал особенно уязвимым, я решил забрать тебя, послав за тобой Ооми.

Юрген встал с кресла, попятился.

– Иначе я не мог поступить. Если бы Ооми не перенес тебя, ты бы умер в лесу за несколько часов. Может, продержался бы дольше. Это в любом случае составило бы определенные трудности для меня.

Хонори стукнул пальцем по медальону Юргена.

– Разумеется, ты ничего не помнишь, – продолжил он после паузы. – Что до остального…Я не могу сказать тебе, где сейчас находится Лора Лаос…

– Но как! – вырвалось у Юргена. Он сжал губы, осознавая бестактность своих слов, и продолжил более сдержанно: – Вы ведь без проблем смогли определить, где я нахожусь.

– Но я ведь не утверждал, что не способен найти её. Не переживай, Юрген, она еще в лесу. Ты найдешь её совсем скоро.

– Вы вообще понимаете, что она сейчас может быть на грани смерти?

Хонори покачал головой.

– Невозможно умереть дважды, Юрген. Для неё время уже не играет никакой роли. А вот мы должны торопиться. Хочу предупредить, что тебя ищут. Именно поэтому я послал за тобой Ооми.

Юрген ошеломленно взглянул на нового знакомого. «Умереть дважды? Выходит, они с Лорой все-таки погибли. Но еще больше его поразило другое».

– Кто меня ищет? – спросил Юрген.

– Мои друзья. Им нужен твой медальон. Если они нас найдут, я уже никак не смогу тебе помочь.

Юрген почувствовал, как Хонори хватает его за руку и как рука ускользает в темноту. В следующую секунду Юрген ощутил на лице лучи палящего солнца. Он огляделся. Его унесло в открытое зеленое поле. Рядом стоял Хонори с широкой улыбкой на лице.

– Мы будем перемещаться до тех пор, пока ты не окажешься в безопасном месте. Скоро Ооми оправится и перенесет тебя в окрестности Кальки.

– Стойте! – с испугом отпрыгнул Юрген. – Отправьте меня обратно в Альту! Почему я должен перемещаться, почему я должен здесь оставаться?! Пожалуйста, отправьте меня…

– Я не могу, Юрген, – ответил Хонори. – Если ты оказался в священном лесу, обратно очень сложно вернуться. Ты не в том положении, чтобы решать.

Юргену упал на колени на траву, чувствуя жжение в груди. Кажется, снова поднималась температура. Улыбка исчезла с лица Хонори, он наклонился к Юргену, доставая из кармана несколько зерен.

– Надо же, нахлынуло быстрее, чем я ожидал, – удивился он и, заметив испуганный взгляд Юргена, добавил. – Ну что, интересно, почему это происходит? Конечно интересно.

Он легко провел указательным пальцем по воздуху, и трава начала подлетать вместе с твердыми комьями земли. Затем осторожно положил семена в получившуюся ямку, так же провел над ними указательным пальцем и быстро поднялся на ноги. На месте вырванной травы поднималось небольшое деревце, выпуская длинные ветки с белыми цветами. Хонори нежно дотронулся до одного из лепестков – и он тут же превратился в розовый фрукт. Хонори сорвал плод и кинул Юргену.

– Ешь быстрее, – сказал он.

Юрген надкусил плод, который оказался непередаваемо вкусным. Мальчик так быстро съел его, что даже не успел как следует распробовать. Вся полученная энергия тут же потекла куда-то внутрь, в область шеи.

Хонори сорвал еще несколько плодов.

– Советую тебе съесть как можно больше. Настойчиво советую.

Юрген съел пять плодов, пока полностью не пришел в себя. Хонори дотронулся до дерева, и оно начало быстро чернеть. В воздухе распространился запах гнилой древесины. Хонори махнул ладонью, и дерево рассыпалось.

– Удивлен? Я забрал у дерева его ману, и оно больше не могло удерживать в себе влагу, благодаря которой так быстро выросло. Представь, что произошло бы с тобой, не съешь ты плоды?

– Но у меня ведь нет никакой маны, – робко возразил Юрген.

– Ты помнишь невнятное чувство во время казни Густа? Каким образом ты удерживал курок пистолета? Что тебя заставляло подпрыгивать вверх над рекой? – Хонори загадочно улыбнулся. – Это было неосознанное управление маной. Ты оставался жив в Альте только потому, что Густ Лаос приносил воду из священной реки в ваш дом, – продолжил он. – В этой воде было хоть и немного маны, но её хватало, чтобы поддерживать в тебе жизнь. Без маны ты бы не выжил.

– Не может быть, – задумался Юрген. – В это сложно поверить, ведь в Альте все пили эту воду. И только я был зависим от этой…маны?

– Только ты был связан со священным лесом. Только у тебя был медальон. – Хонори остановился, прислушался. – Нам нужно двигаться вперед.

Он неслышно хлопнул в ладони, тронул запястье Юргена, и они в то же мгновение перенеслись в ярко освещенную комнату. На полу и на всех предметах лежал толстый слой пыли. Юрген услышал, как сбоку что-то шевельнулось, он обернулся. В углу кверху брюхом валялся жук, перебирая своими длинными лапками. Хонори с сочувствием взглянул на беспомощное тельце и направил на него указательный палец. Жук моментально перевернулся и исчез.

– Испугался, – сказал Хонори.

– Чего?

– Что мы увидели его в таком состоянии.

Юрген промолчал. Он принялся оглядывать комнату, удивляясь её округлости. Обычные предметы, такие как буфет и письменный стол, были плавными, словно застывшие волны, облепленные деревянной стружкой.

– Как необычно, – произнес Юрген.

– Ты еще не перестал удивляться? – с иронией спросил Хонори. – Сейчас я принесу тебе кое-какие вещи. – Он остановился, взглянул на медальон Юргена и спустя несколько секунд добавил: – И, пожалуй, дам тебе еще одну вещицу.

– Подождите. Что мне делать, когда я останусь один? – Юрген обернулся, тревожно оглядывая комнату. Куда подевался Хонори?

– Где вы?! – крикнул Юрген.

Ответа не последовало. Он двинулся вперед, пока не наткнулся на деревянную скульптуру молодого человека: фигура держала в левой руке изогнутый кинжал, правой закрывала лицо. Это было очень странное дерево: от него несло чем-то тяжелым и удушливым, оно будто горело изнутри. Юрген аккуратно прикоснулся пальцем к фигуре, готовый отдернуть руку, если его обожжет. Однако ничего такого не произошло. Он с облегчением выдохнул – это было самое обыкновенное дерево. Юрген убрал палец и в тот же момент почувствовал, как внутри него что-то начало стремительно меняться. Он тяжело проглотил слюну, ощущая противную горечь во рту.

– Хонори, – шепотом произнес Юрген, – это вы меня так решили проучить?

У него защемило сердце, и он упал на пол, подняв в воздух облако пыли.

– Хонори!

Внезапно раздался щелчок, и фигура зажглась голубым светом. Юргену сразу стало легче, он быстро попятился от статуи, пока не упёрся спиной в ноги Хонори.

– Не стоит так кричать, – спокойно произнес Хонори. – На самом деле ты можешь вообще не произносить ни звука, не разговаривать со мной. Я знаю всё, что ты хочешь мне сказать. А поэтому, забегая наперед, советую тебе не трогать чужие предметы.

– Я… а что вообще произошло? – не найдя слов для оправданий, Юрген решил узнать, почему он чуть не отключился.

– Видишь голубое мерцание, – ответил Хонори. – Это мана одного моего бывшего друга по имени Гален. В какой-то степени она живая, эта статуя. Если задействовать ману, можно почувствовать слабое тепло и очень специфичный запах, который исходит от дерева. Ты прикоснулся к нему, и тем самым связал собственную ману с маной моего старого друга. Видишь ли, мана способна на многое. В том числе сохранять знания, опыт, моменты из жизни. Люди привыкли использовать бумагу с пером для этих целей, но в нашем мире все происходит иначе.

– Я не понимаю, – протянул Юрген. – Мне в это до сих пор трудно поверить, потому что… я ведь всю жизнь жил в Альте, никогда с вами не встречался, следовательно, не мог получить так называемую ману.

– Ты получил ее от цикла.

Хонори подошел к Юргену, потрогал медальон и тихо продолжил:

– Мана стекает в твой медальон. Теперь это твое второе сердце. Следи внимательно за ним, иначе погибнешь. Цикл неслучайно выбрал тебя.

– Что такое цикл?

– Репрезентация вечности и бесконечности, – принялся объяснять Хонори. – В природе все идет циклично. Прошлым владельцем источника был я. Теперь твоя очередь, Юрген. Нельзя сказать, что тебе повезло, но так сложилось.

– Вы были прошлым владельцем медальона?

– Не медальона. Но то, что в нем хранилось.

– И что же это?

– Ты узнаешь, как придет время. На тебя и так много навалилось.

– Мне кажется, время уже пришло, – настойчиво произнес Юрген.

– Да, – неожиданно согласился Хонори, – тебе пора уходить.

– Не пытайтесь меня прогнать. Никуда я не уйду, пока не получу ответы.

Хонори устало закрыл глаза. Юрген решил спровоцировать Хонори.

– Заберите это, заберите! – он начал снимать с себя медальон, как вдруг остановился. Юрген не мог двигать руками. Хонори поднял указательный палец.

– Ты ведь понимаешь, что, отдав мне медальон, отдашь и свою собственную жизнь? Совершенно неразумно.

– Но я… не хочу… я никогда не просил, – обрывисто произнес Юрген. Он чувствовал себя настолько беспомощным, что хотел только одного: вернуться вместе с Лорой в Альту.

Юрген тяжело дышал. Хонори провел указательный пальцем в воздухе, и мальчику стало легче.

– Успокоился? – мрачно спросил Хонори. – А теперь слушай меня внимательно, чтобы не натворить в будущем глупостей. Тебя чувствуют по твоей мане, а это значит, что куда бы ты ни пошел, в какую бы дыру ни зарылся, тебя найдут, достанут из-под земли. Но это вовсе не значит, что ты будешь постоянно в бегах. Я дам тебе одну вещицу, которая сможет блокировать ману, исходящую из медальона. Не снимай её, иначе все узнают, где ты находишься. Какое-то время ты будешь жить в деревне, пока не научишься контролировать ману. Советую тебе оставаться там как можно дольше, потому что это самое безопасное место в округе.

Хонори подошел к небольшому странному столику. Провел над ним пальцем так, что дерево стало мягкими и текучим, словно горячая смола. Достал из этой субстанции голубую сферу, напоминающую водяной шар. Сфера действительно разбрызгивала вокруг капли воды.

– Она очень неустойчива, – молвил Хонори, – разбрызгивает ману по всей округе. Но ничего, сейчас мы её подправим.

Хонори приблизился к Юргену, в руках у зеленоглазого билась голубая сфера. Он направил её к медальону Юргена, и она тут же сжалась в шарик, приняв форму медальона.

– Готово, – удовлетворенно произнес Хонори. – Сейчас я соединю наши маны. Посмотрим на послевкусие. Абсолютно ничего не чувствую, и это очень хорошо.

Юрген все ещё неподвижно стоял на месте, пытаясь дотянуться рукой до медальона. Хонори сделал легкое движение пальцем, и правая рука Юргена тут же упала как плеть.

– Сколько у нас осталось времени? – Хонори задумчиво посмотрел вверх. – Ну что же, полчаса в запасе есть. Если ты хочешь, Ооми может тебя прямо сейчас перенести в окрестности Кальки. Поскольку это будет твоя последняя остановка, я предпочту остаться здесь.

– Я теперь всю жизнь буду в бегах? – внезапно спросил Юрген.

– Ну что ты, вовсе нет. Не переживай, – Хонори расплылся в улыбке. – История с людьми, которые тебя преследуют, не растянется надолго. На целую жизнь? Нет.

Хонори шевельнул указательным пальцем. Спустя несколько секунд комната поплыла перед глазами Юргена. Пространство раскрылось, освобождая голубой свет, и возле Хонори появился большой жук.

– Это будет твое последнее задание от меня, – обратился Хонори к Ооми. – Я знаю, что после перемещения ты останешься в окрестностях Кальки. Передавай от меня Галену привет.

Жук подвигал длинными усиками, склонив голову. На шее у него появились странные прорези, горевшие слабым красным огнем. Юргена это удивило, и он хотел сказать Хонори, что это «ненормально» для жука, но передумал.

– Если это не ненормально, то как же это, Юрген? – подхватил его мысли Хонори. Испугавшись, Юрген быстро повернулся к нему.

– Существо вовсе не так уж и похоже на жука, – начал он медленно. – Не знаю почему, но оно больше напоминает мне человека, чем насекомое. Мне… не противно, как это обычно бывает.

– Ты многого не знаешь об Ооми. И даже не представляешь, через что он прошел. Но ты попал в точку, Ооми не всегда был таким, каким ты его можешь видеть сейчас.

– Он был человеком? – озадаченно спросил Юрген.

– Да.

– Что с ним произошло?

– Многое. Видишь ли, люди ошибочно полагают, будто овладев маной, они способны покорить весь мир. Одним из таких людей был Ооми. Посмотри на него сейчас, он даже не в состоянии контролировать свой маленький мирок. Болезнь, превратившая его в, как ты выражаешься, жука, находит своего носителя абсолютно случайно. Она изменяет ману, изменяет телосложение, изменяет разум. И, кстати, сейчас Ооми выглядит куда лучше, чем до этого. Когда я его нашел, он был на середине своей трансформации. Мана его только начинала меняться, и ты не представляешь, какие боли он испытывал.

– Вы ему не помогли?

– Ну как же, помог. Посмотри, он ведь выжил.

– Но его нельзя вернуть в прежнее состояние?

– Попытаться можно, но где гарантия, что он выживет? Иногда лучше оставить всё так, как есть.

Хонори аккуратно похлопал рукой по спине Юргена.

– А теперь главное. Не используй ману впустую. Во всяком случае до тех пор, пока не доберешься до Кальки. Сфера блокирует только ту ману, которая исходит от самого медальона. И ещё кое-что. Не давай свои вещи посторонним людям.

– П-понял, – слабо шевельнул губами Юрген. У него закружилась голова.

– Уже началось? – с иронией спросил Хонори. – Я ведь настойчиво тебе советовал поглотить как можно больше плодов, но ты меня не послушал. Ну вот и все, мана закончилась, Юрген.

Хонори легким движением указательного пальца прикоснулся к плечу Юргена, и холодно произнес:

– У тебя осталось около двух часов, прежде чем ты умрешь от недостатка маны. Поэтому советую поторопиться в деревню Кальку. Не рекомендую останавливаться. Ооми перенесет тебя туда, где нет безопасных источников маны.

Хонори бросил грозный взгляд в сторону Ооми и, махнув указательным пальцем в воздухе, громко крикнул:

– Быстро перенеси его!

Спустя секунду Юрген исчез, и в доме Хонори воцарилась мертвая тишина. Он устало перевел взгляд на изваяние старого друга: голубое сияние таяло в воздухе, передавая ману окружающим предметам. Скоро Гален будет здесь.

Глава VIII

Юрген отцепился от жука и поднялся на ноги. Они переместились в глухую чащобу, укрытую от яркого света. Где-то в глубине леса горели красные огни. Кто-то неистово кричал, совсем близко. Юрген окончательно пришел в себя, огляделся по сторонам, жук уже исчез.

– Все-таки оставил меня одного, – пораженно произнес Юрген.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/eropov_vyacheslav/yurgen-laos

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить